

**СООТНОШЕНИЕ КОНЦЕПЦИЙ «МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ»
И «МОСКВА – НОВЫЙ ИЗРАИЛЬ» И ИХ РОЛЬ В ПОСЛЕСЛОВИИ К СОБОРНИКУ 1647 Г.**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-312-90058*

В памятниках древнерусской литературы эпохи Московского государства заметно распространены формулы «Москва – третий Рим» и «Москва – новый Израиль» или «новый Иерусалим». К началу XVII в. они развиваются в полноценные концепции, служащие средствами самоидентификации. Идея «Москва – новый Иерусалим» не получила четкого теоретического оформления, хотя значительно чаще встречается в источниках. Это приводит к тому, что она нередко понимается исследователями лишь как словесная формула. В статье данная идея рассматривается как оригинальная альтернативная концепция, позволяющая скорректировать специфическое содержание теории «Москва – третий Рим». Прослеживается генезис этих двух концепций, их идейное и идеологическое наполнение, а также их судьба в литературе и историко-политическом дискурсе XVII в. Исследуется вопрос о соотношении политических и церковных амбиций Московского государства, выраженном в указанных теориях. Такая перспектива позволяет рассматривать выбор книжниками формулы «новый Иерусалим» в послесловии к Соборнику 1647 г. как своеобразный маркер, указывающий на общественно-политическую тональность памятника. Автор статьи исходит из убеждения, что в исследованиях древнерусской литературы экстралитературные факторы имеют не меньшее значение, чем собственно литературные.

Ключевые слова: Соборник, Московское государство, третий Рим, новый Иерусалим, историософия, историческая литература, идеология в литературе, Торжество православия

Информация об авторе: Исакханян Алёна Эдвартовна, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-7241-9669>, аспирант, научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Москва, Россия.

E-mail: tiwe@inbox.ru

Дата поступления статьи: 20.06.2020.

Для цитирования: Исакханян А.Э. Соотношение концепций «Москва – третий Рим» и «Москва – новый Израиль» и их роль в послесловии к Соборнику 1647 г. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 122-127. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-122-127>.

Alyona E. Isakhanyan

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

**THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS “MOSCOW, THIRD ROME”
AND “MOSCOW, NEW ISRAEL” AND THEIR ROLE IN THE EPILOGUE TO COLLECTION OF 1647**

The reported study was funded by RFBR, project number 19-312-90058

In the ancient Russian writings of the Moscow State era, the formulas “Moscow, third Rome” and “Moscow, new Israel” or “new Jerusalem” are noticeably widespread. By the early 17th century they developed into full-fledged concepts that serve as means of self-identification. The idea of “Moscow, new Jerusalem” did not receive a clear theoretical form, although it was more widespread in writings. This leads to the fact that it is often understood by researchers only as a verbal formula. In the article, it is considered as an original alternative concept that allows to adjust the specific content of the theory “Moscow, third Rome”. The genesis of these two concepts, their theoretical and ideological content, as well as their fate in the literature and historical and political discourse of the 17th century are traced. The question of the relationship between the political and church ambitions of Muscovy, expressed in these theories, is investigated. This perspective allows us to consider the choice of the scribes of the formula «new Jerusalem» in the epilogue to the Collection of 1647 as a kind of marker indicating the socio-political tonality of the writing. The author of the article proceeds from the conviction that extraliterary factors are of no less importance than literary factors in studies of Old Russian literature.

Keywords: Collection, Muscovy, third Rome, new Jerusalem, historiography, historical literature, ideology in literature, Triumph of Orthodoxy.

Information about the author: Alyona E. Isakhanyan, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-7241-9669>, postgraduate student, researcher of A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: tiwe@inbox.ru

Article received: June 20, 2020.

For citation: Isakhanyan A.E. The relationship between the concepts “Moscow, third Rome” and “Moscow, new Israel” and their role in the epilogue to Collection of 1647. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 122-127 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-122-127>.

Вопрос о времени возникновения концепций «Москва – третий Рим» и «Москва – новый Израиль» или «новый Иерусалим» решается специалистами неоднозначно: некоторые усматривают их отголоски уже в Начальной летописи, другие же точкой отсчета предлагают считать 1589 г., когда было учреждено московское патриаршество [Бауэр: 5–7]. Уже вскоре после принятия Киевской Русью христианства в древнерусской исторической литературе начали появляться в той или иной степени концептуально оформленные представления о роли Руси в христианском мире. Историческое самосознание древнерусских книжников главным образом опиралось на идею о «богоизбранности», которая, однако, с течением времени претерпевала изменения в содержании, при этом словесное ее отражение с его формульным характером оставалось относительно неизменным. Это привело к тому, что некоторые исследователи рассматривали концепцию о божественном избрании Руси как нечто однозначное [Ефимов: 33–35]. Однако в первое время понятие «богоизбранности» использовалось книжниками как ветхозаветное свидетельство причастности новокрещеного народа к православному миру. Русь, как и прочие христианские страны, противопоставлялась соседним языческим народам как «избранная страна» [Страхов: 430].

С середины XV в. идейное наполнение понятия об избранности в связи с рядом политических и церковных событий претерпевает некоторые изменения. Содержащиеся в памятниках 1440–1490-х гг. определения роли русской церкви можно верно понять лишь в свете заключения константинопольским патриархатом Флорентийской унии с римской церковью (1439 г.), установления автокефалии московской митрополии (1448 г.), перехода Константинополя под власть турок (1453 г.) и утверждения константинопольским патриархом литовского владыки в сане митрополита «всех Руси» (1470 г.). Во второй половине XV в. в сочинениях книжников все чаще звучат мысли о «торжестве истинного православия», а также начинает формироваться корпус переводных текстов на эту же тему. Они получили широкое распространение в рукописной традиции, а в начале XVII в. в связи с религиозной полемикой на Московском печатном дворе были изданы специализированные сборники, а именно «Сборник о почитании икон» (1642 г.), «Кириллова книга» (1644 г.). Тематический блок произведений о торжестве православия включен в Соборник (1647 г.) – памятник, довольно точно отразивший духовно-политические интересы современников.

Говоря о Руси как об оплоте православия, книжники нередко преследовали цель оправдания тех или иных политических действий, предпринимавшихся русскими правителями. Так, например,

аргументом в пользу похода Ивана III на Новгород объявлялось то, что князь является проводником «сияющего благочестия» церкви, действия которого благословлены Богом [Гольдберг: 113].

Идея о «богоизбранности» Руси дополнилась представлением о преемственности: противопоставляя русское православие греческому, утверждая в качестве причины падения Константинополя его уклонение от истинного православия, книжники проводят мысль о Руси как новой носительнице истинной веры. Таким образом, в XV в. речь идет уже не о том, чтобы вписать Русь в ряд православных держав, но противопоставить им себя. Эта идея была призвана обосновать авторитет московской митрополии и правомерность автокефалии, преподнести новый статус московских церковников как наследников церковной власти Константинополя.

Несмотря на то что уже в сочинениях этой и даже более ранних эпох некоторые исследователи склонны видеть проблески идеи «Москва – Третий Рим», известен факт ее теоретического оформления в начале XVI в. в «Послании на звездочетцев» псковского старца Филофея. В дальнейшем в литературе широко распространилась разъясненная в его произведениях формула «Москва – Третий Рим», которая унаследовала представления о «богоизбранности» Руси и теперь поместила ее в более широкий мировой контекст.

В эпоху Ивана Грозного большое значение приобрел такой аспект теории старца Филофея, как родословная преемственность русских царей от римских, символически представляющая передачу власти русским правителям от Константинополя в дарении царских регалий императором Константином Мономахом князю Владимиру Мономаху. Это учение находит свое выражение в «Послании о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы и «Сказании о князьях Владимирских». Идеи «Послания...» и «Сказания...» были запечатлены в таком официальном памятнике историографии эпохи Ивана Грозного, как «Степенная книга царского родословия». В «Степенной книге...» (степень IV, глава 8) представлен сюжет о дарах – регалиях греческого императора Константина Мономаха, врученных киевскому князю Владимиру Мономаху, разработанный в «Послании о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы и в «Сказании о князьях Владимирских». Рим именуется в «Степенной книге...» «старым Римом», а Константинополь трактуется как новый Рим. Однако непосредственных упоминаний теории «Москва – Третий Рим» в этом памятнике нет. «Авторы Степенной Книги воспринимали Москву как Новый Иерусалим, ее жителей – как избранный народ, а расширение Московского государства описывали как путь в Землю Обетованную» [Ленхофф: 135–136]. На материале «Степенной книги...» и других столь же авторитетных памятников А.С. Усачёвым была

убедительно продемонстрирована маргинальность филофеевской теории «Москва – третий Рим», лишь эпизодически появлявшейся в источниках XVI–XVII вв. [Усачёв: 83–84]. Например, «Римская идея» богато представлена в панегирических сочинениях XVII в. – в частности, в виршах Симеона Полоцкого. Однако в них уподобление царя Алексея Михайловича римскому императору Константину Великому часто приобретает условный, сугубо риторический характер (в отличие от историософской глубины концепции «Москва – Третий Рим»). Панегирические вирши в целом имеют тенденцию развивать имперский, вселенский мотив – и в этом смысле Рим важен лишь как маркер, знак этой вселенскости. К середине XVII в. в России происходит «византинизация» придворной культуры и ритуала – в частности, при Алексее Михайловиче устанавливается практика причащения царя по чину священнослужителей – как это делали византийские императоры. Эта тенденция тоже служит для демонстрации принятия Русью утерянного Константинополем статуса. В связи с этим, как показала Н.В. Сеницына, словесность XVII в. (в том числе панегирические тексты), культивировавшая тему России – преемницы Византии, была совершенно равнодушно к теории «Москва – Третий Рим». «Апелляции к идее “Третьего Рима” не содержала развивавшаяся в XVII в. мысль о “константинопольском наследии” (в разных его составных частях) и о роли русского царя в освобождении Константинополя» [Сеницына: 310].

Между тем в литературе все большее распространение получает во многом схожая, но отнюдь не равнозначная концепция «Москва – новый Израиль» – тема, которая преимущественно лучше представлена в источниках [Rowland: 591], чем идея Третьего Рима, и отвечает на тот же фундаментальный вопрос о самоидентификации Московского государства. Обе темы были продуктами восприятия истории московскими книжниками как последовательности избранных народов: от Израиля к Римской империи, от Римской империи к Восточной Римской империи (Византии), и, в конечном счете, к Московскому государству.

Древнерусские писатели, как и европейцы в эпоху раннего Средневековья, представляли свое общество как часть исторического процесса, простирающегося от создания мира до Апокалипсиса, и, несомненно, имели представление об авторитете и значении Рима как части этого процесса. Тем не менее источники преимущественно указывают на то, что Библия в целом и Ветхий Завет в частности имели гораздо большее влияние на историческое самосознание жителей Московского государства, чем образ Рима. Эта традиция уходит корнями в литературу Киевской Руси. В качестве примера рассмотрим «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, которое часто включалось

в сборники эпохи Московского государства. Оно частично основано на тщательно разработанном сравнении законов Ветхого Завета и Нового Завета, воплощенных соответственно в Агаре и Саре. Идея прообраза и воплощения лежит в основе этого произведения, которое изобилует ссылками на Ветхий Завет. Иларион сравнивает святого Владимира с Давидом, Ярослава Мудрого – с Соломоном, а Собор Святой Софии в Киеве – с Иерусалимским Храмом. Однако в отличие от произведений цикла о Борисе и Глебе – первых русских святых, – где отождествляются русская и библейская история [Успенский: 51], в «Слове...» они противопоставляются. Иларион заявляет, что Киевская Русь превосходит древний Израиль, поскольку «вера благодатная распростёрлась по всей земле и достигла нашего народа русского. И езеро закона пресохло. Евангельский же источник, исполнившись воды и покрыв всю землю, разлился и до наших пределов» [Слово: 606]. Эта точка зрения, подчеркивающая превосходство Руси над Израилем, представляет собой важный этап развития темы «избранного народа», которая продолжила разрабатывать литература Московской Руси.

В свою очередь, автор «Жития Александра Невского» пишет, что лицо Невского было подобно лицу Иосифа [Житие: 359]. Таким образом он объясняет и оправдывает политику Александра по примирению с монголами. Как дружба Иосифа с фараоном (фигурой, часто используемой в качестве символа для монгольского хана) защищала Израиль, так и дружба Александра с ханом защищала Новгород и Русь.

В качестве неотъемлемых частей исторического самоопределения Руси эти ветхозаветные образы были естественно приняты историками в Москве. Они широко использовались (частично под южнославянским влиянием) теми авторами, которые прославляли победу Дмитрия Донского на Куликовом поле в 1380 г. в соответствующем цикле литературных произведений. Автор «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского» посвятил значительную часть своего текста пространному сравнению князя Дмитрия с основателями израильского народа от Адама до Моисея, а в других местах уподобил Дмитрия Моисею и Давиду, хана Мамай – Огу, королю Васана, а татар – амеликитянам. Политические и культурные события XV и начала XVI вв., которые породили различные, явно идеологические работы, упоминавшие теорию о Третьем Риме, а также о династических и религиозных связях между Римом, Константинополем и Москвой, также обусловили интенсивное использование ветхозаветных параллелей и образов. Это отчетливо видно, в частности, в послании епископа Вассиана Рыло к Ивану III на Угрю, в котором Божье освобождение Московской Руси от татар сравнивается с освобож-

дением израильтян от египтян и где в связи с этим Московская Русь называется «новым Израилем».

Одним из наиболее значительных и авторитетных источников официальной идеологической мысли в литературе Московского государства являются Великие Четьи Минеи митрополита Макария. В них прослеживается относительно последовательная система взглядов, касающихся политики Московского государства. В центре ее мысль о Божественном «избрании», принятии божественного предводительства, перешедшего от одного народа и государства к другому.

Несмотря на то что и в ранних текстах имели место явные упоминания Московской Руси как «нового Израиля», «божьего народа» или «Сиона», эти формулы стали более распространенными во время и после Смуты. Патриарх Иов сравнивал церковь в передвижной деревянной крепости, созданной Борисом Годуновым для защиты от татар, с древней израильской скинией, которая способствовала сохранению и спасению города от вторжения языческих варваров, а Федора Иоанновича – с пророком Моисеем, который послал избранную армию Израиля против безбожных амаликитян [Повесть: 79]. Необходимо отметить это последнее сравнение, поскольку ни Федор, ни Моисей не участвовали в фактических боях, но каждый из них как бы гарантировал победу, ходатайствуя перед Богом. В других повестях о Смутном времени мы находим именованья Московской Руси «новым Сионом», «новым Израилем», «остатком христианского племени», а ее жителей – «народом господним», «Божьим народом» или «агнцами». Князь Иван Хворостинин в «Словесах дней, и царей, и святителей московских» пишет: «Мы здесь поистине называемся истинными израильтянами новообращенными...» [Хворостин: 625].

Из многочисленных источников становится очевидной распространенность в литературе представления о Московском государстве как об избранном народе в ветхозаветном смысле, как о религиозном и политическом сообществе, находящемся под божественным покровительством. Библия вообще и Ветхий Завет в частности доминировали в исторических представлениях московских книжников, будучи источником не только языка исторических произведений, но и тех архетипов, на которых основывалось историческое понимание многих более поздних событий – от византийского до московского периода. Это доминирование неудивительно с учетом значимости библейских и ветхозаветных текстов для древнерусской культуры и литературы. В литературе циркулировал обширнейший фонд переводных сочинений, среди которых центральное место принадлежало библейским текстам.

Таким образом, концепции «Москва – третий Рим» и «Москва – новый Израиль» не против-

речат одна другой. Обе идеи являются частями единого представления о ряде христианских империй, сменяющих друг друга вплоть до Апокалипсиса. И сам исторический процесс в течение двух столетий после Ферраро-Флорентийского Собора, который привел к эволюции теории Третьего Рима и других идей, связывающих московскую династию с Августом или описывающих передачу эмблем святости в Москву, также привели к росту употребления ветхозаветных параллелей в исторических сочинениях. Однако образ Московской Руси как нового Израиля, по-видимому, является доминирующим. Ветхозаветное уподобление предоставляет Московской Руси не претензию на всемирную империю, но чувство особой божественной защиты или руководства и роль в священной истории как для царя, так и для его элиты. Так, именование Руси новым Израилем предстает более четко очерченным, ясным и однозначным понятием. Концепция же «Москва – третий Рим» имеет скорее двойственную природу. Благочестие Московского государства, противопоставление его «нечистым» землям сочетается в ней с политическим аспектом, подразумевающим имперский характер первого Рима и «второго» – Константинополя. В связи с названной теорией возникает проблемный вопрос о соотношении власти государственной и церковной. По всей видимости, именно решением этого вопроса предопределялся выбор книжником той или иной формулы: «...двойственная природа Константинополя как политического символа позволяла двоякое истолкование. В ходе одного подчеркивалась благость и священство, в ходе другого – власть и царство. Символическим выражением первого становится Иерусалим, второго – Рим. Соответственно, идеал будущего развития Московского государства мог кодироваться в терминах той или иной символики» [Лотман, Успенский: 352]. Так, представление о новом Иерусалиме подразумевает присвоение статуса святого, теократического города, а представление о новом Риме – имперской, государственной столицы мира. Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, однако, полагают, что в теории «Москва – третий Рим» преобладает религиозная составляющая. Приведем их рассуждение: «...покорение Константинополя турками (1453 г.) приблизительно совпадает по времени с окончательным свержением в России татарского господства (1480 г.); оба эти события естественно связываются на Руси, истолковываясь как перемещение центра мировой святости – в то время как в Византии имеет место торжество мусульманства над православием, в России совершается обратное, т.е. торжество православия над мусульманством. С падением Константинополя московский государь оказывается единственным независимым правителем православного мира, если не считать Грузии, которая с московской позиции представлялась

скорее легендарным царством, нежели географической и политической реальностью. В условиях средневековой идеологии, когда только за носителями истинной веры признается право на истинное бытие, другие народы являются как бы несуществующими, таким образом, глава Московского государства оказывается, на языке этих понятий, властителем всего мира. В этих условиях политический и конфессиональный аспекты доктрины «Москва — третий Рим» соединяются в общем теократическом значении» [Лотман, Успенский: 353–354]. В свете сказанного становится ясно, почему указанная теория продолжает существовать в литературе более позднего периода: в частности, широкое распространение она получила в литературе старообрядцев. По всей видимости, их привлекло эсхатологическое измерение концепции, проявляющееся в выражении старца Филофея «...а четвертому не быть». Такое «пророчество» делает его теорию скорее предупреждением текущих носителей божественной власти, нежели безапелляционным утверждением об авторитете и могуществе Московского государства. Однако в связи с упомянутой выше византизацией царского двора при Алексее Михайловиче и усилением имперских настроений, соотношение религиозного и политического аспектов теории несколько смещается в сторону последнего [Ранчин], что, по всей видимости, и служит причиной временного предпочтения формулы «новый Иерусалим».

В свете вышесказанного представляется неслучайным именование автором послесловия к Соборнику 1647 г. новокрещеной Руси «новым Израилем» [Соборник: 878 об.]. Этот текст представляет собой своеобразное историософское сочинение, в которое вплетены описание книги, цели ее создания и представление о той роли, которую она играет в древнерусской книжности. Именование Руси времен князя Владимира «новым Израилем» служит здесь переходом от истории ранней христианской письменности к кратко изложенной истории древнерусской книжности. Сочинитель послесловия обозначает преемственность русского православия, акцентируя внимание не столько на политических, но на духовно-культурных заслугах первых русских крещеных князей: их радении в отношении перевода библейских и «душеполезных» сочинений и пр.

Со второй половины XVII в. концепция «Москва — новый Израиль» значительно меньше используется в литературе. Согласно мнению М. Перье, происходит это в связи с полемикой, последовавшей за тем, что Никон назвал монастырь на Истре Новым Иерусалимом. В конце концов, патриарх стал ассоциироваться с Антихристом по ряду причин [Perrie: 80]. Так концепция «Москва — новый Израиль» уходит из исторической литературы, как, впрочем, и теория «Москва — третий Рим», осужденная церковным Собором 1666 г.

Список литературы

Бауэр Е.А. Идея «Москва — третий Рим» в русской общественной мысли конца XV — начала XVII вв.: отечественная историография XX столетия: Монография. Нижневартовск, 2011. 127 с.

Гольдберг А.Л. К предистории идеи «Москва — Третий Рим» // Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции). М.: Наука, 1976. С. 111–116.

Ефимов Н.И. «Русь — Новый Израиль»: Теократическая идеология своеземного православия в допетровской письменности. Казань, 1912. 50 с.

Житие Александра Невского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. С. 358–369.

Ленхофф Г.Д. Степенная книга: замысел, идеология, адресация // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии: в 3 т. Т. 1. С. 120–146.

Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство, 2002. С. 349–362.

Повесть о житии царя Федора Ивановича // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2006. Т. 14: Конец XVI — начало XVII века. С. 54–103.

Ранчин А.М. Теория «Москва — Третий Рим» и ее место в русской культуре XVI–XVIII вв. // Образовательный портал «Слово». Филология. [Б. г.]. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 18.05.2020).

Синицына Н.В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 416 с.

Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона // Памятники литературы Древней Руси. XVII в., кн. III. М., 1994. С. 583–619.

Соборник. М., 1647. 881 л.

Страхов А.Б. Историософские параллели концепций «Царьград Тырнов» и «Москва — третий Рим» // Герменевтика древнерусской литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2020. Сб. 19. С. 430–439.

Усачев А.С. Третий Рим или Третий Киев? (Московское царство XVI в. в восприятии современников) // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 69–87.

Успенский Б.А. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М.: Языки русской культуры, 2000. 128 с.

Хворостинин Иван Андреевич «Словеса дней, и царей, и святителей московских» // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2006. Т. 14: Конец XVI — начало XVII века. С. 610–641.

Perrie M. Moscow in 1666: New Jerusalem, Third Rome, Third Apostasy. *Quaestio Rossica*, 2014, № 3, pp. 75–85.

Rowland D.B. Moscow – The Third Rome or the New Israel? *Russian Review*, vol. 55, no. 4 (Oct., 1996), pp. 591–614.

References

Bauer E.A. *Ideia “Moskva – tretii Rim” v russkoi obshchestvennoi mysli kontsa XV – nachala XVII vv.: otechestvennaia istoriografiia XX stoletia: Monografiia* [The idea of “Moscow – the third Rome” in Russian social thought of the late 15th – early 17th centuries: Russian historiography of the 20th century: Monograph.]. Nizhnevartovsk, 2011, 127 p. (In Russ.)

Gol'dberg A.L. *K predystorii idei “Moskva – Tretii Rim”* [To the background of the idea “Moscow – the Third Rome”]. *Kul'turnoe nasledie Drevnei Rusi (Istoki. Stanovlenie. Traditsii)* [Cultural heritage of Ancient Russia (Origins. Formation. Traditions)]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 111–116. (In Russ.)

Efimov N.I. *“Rus’–Novyi Izrail’”: Teokraticheskaia ideologiya svoezemnogo pravoslaviia v dopetrovskoi pis'mennosti* [“Russia – New Israel”: Theocratic ideology of homeland Orthodoxy in pre-Petrine writing]. Kazan', 1912. 50 p. (In Russ.)

Zhitie Aleksandra Nevskogo [Life of Alexander Nevsky]. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of literature of Ancient Russia]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 5. [13th century], pp. 358–369. (In Russ.)

Lenkhoff G.D. *Stepennaia kniga: zamysel, ideologiya, adresatsiia* [The Book of Degrees: Concept, Ideology, Addressing]. *Stepennaia kniga tsarskogo rodosloviia po drevneishim spiskam: Teksty i kommentarii: V 3 t.* [The Book of Degrees of the Tsar's Genealogy according to the most ancient lists: Texts and commentary: in 3 volumes.]. Vol. 1, pp. 120–146. (In Russ.)

Lotman Iu.M., Uspenskii B.A. *Otvuki kontseptsii “Moskva – tretii Rim” v ideologii Petra Pervogo (K probleme srednevekovoi traditsii v kul'ture barokko)* [Echoes of the concept “Moscow – the third Rome” in the ideology of Peter the Great (On the problem of medieval tradition in the culture of the Baroque)]. Lotman Iu.M. *Istoriia i tipologiya russkoi kul'tury* [History and typology of Russian culture.]. St. Petersburg, Iskustvo Publ., 2002. pp. 349–362. (In Russ.)

Povest o zhitii tsaria Fedora Ivanovicha [Tale of the Life of Tsar Fedor Ivanovich]. *Biblioteka literatury*

Drevnei Rusi [Library of literature of Ancient Russia]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006, Vol. 14: *Konets XVI – nachalo XVII veka* [End of the 16th – beginning of the 17th century], pp. 54–103. (In Russ.)

Ranchin A.M. *Teoriia “Moskva – Tretii Rim” i ee mesto v russkoi kul'ture XVI–XVIII vv.* [The theory “Moscow – the Third Rome” and its place in Russian culture of the 16th–18th centuries] *Obrazovatel'nyi portal «Slovo». Filologiya. [B. g.]* [Educational portal “Word”. Philology] URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (access date: 18.05.2020). (In Russ.)

Sinitsyna N.V. *Tretii Rim: Istoki i evoliutsiia russkoi srednevekovoi kontseptsii (XV–XVI vv.)* [Third Rome: The origins and evolution of the Russian medieval concept (15–16 centuries)]. Moscow, Indrik Publ., 1998. 416 p. (In Russ.)

Slovo o Zakone i Blagodati mitropolita Ilariona [Metropolitan Hilarion's Tale about the Law and Grace]. *Pamjatniki literatury Drevnei Rusi* [Literary Monuments of Ancient Rus]. XVII v., vol. III, Moscow, 1994, pp. 583–619. (In Russ.)

Sobornik. Moscow, 1647, 881 p. (In Russ.)

Strakhov A.B. *Istoriiosofskie paralleli kontseptsii “Tsar'grad Tyrnov” i “Moskva – tretii Rim”* [Historiosophical parallels of the concept of “Tsargrad Tarnov” and “Moscow – the third Rome”]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, issue 19, pp. 430–439. (In Russ.)

Usachev A.S. *Tretii Rim ili Tretii Kiev? (Moskovskoe tsarstvo XVI v. v vospriiatii sovremennikov)* [Third Rome or Third Kiev? (Muscovy of the 16th century in the perception of contemporaries)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2012, № 1, pp. 69–87.

Uspenskii B.A. *Boris i Gleb: Vospriiatie istorii v Drevnei Rusi* [Boris and Gleb: Perception of history in Ancient Rus.]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. 128 p. (In Russ.)

Hvorostinin Ivan Andreevich *“Slovesa dnei, i carej, i svyatitelej moskovskih”* [“Words of the Days, and Tsars, and Saints of Moscow”]. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of literature of Ancient Russia]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006, Vol. 14: *Konec XVI – nachalo XVII veka* [End of the 16th – beginning of the 17th century], pp. 610–641. (In Russ.)